

Т.В. Котюкова

История туркестанского плена барона фон Гаука*

Военнопленных австро-венгерской и германской армии начали привозить в Туркестан с сентября 1914 г. Они спешно расквартировывались в казармах войск Туркестанского военного округа, 37 специально построенных лагерях и других помещениях, приспособляемых под проживание людей. Вопросы содержания и обращения с военнопленными регулировались Гаагской конвенцией, подписанной в 1907 г. почти всеми государствами, которые впоследствии участвовали в войне. О военнопленных в конвенции говорится как о «законных защитниках Отечества», которым в плену должно быть обеспечено гуманное обращение.

В России было принято свое Положение о военнопленных, которое почти полностью повторяло положения Гаагской конвенции, несмотря на то что, отдельного учреждения, занимавшегося военнопленными, в России создано не было. Швеция, Дания, Испания и США взяли на себя защиту интересов австро-венгерских и германских подданных в России в период войны.

Согласно официальным документам, офицеры, германские и австро-венгерские подданные, содержались в весьма удовлетворительных условиях. В Ташкенте было три пленных генерала: два подданных Австро-Венгрии — генерал-майор Рафт и генерал-лейтенант Вайсендорфер (Вейсендорфер), и обершталмейстер¹ Двора короля Саксонского генерал-лейтенант барон фон Гаук.

Генералы были размещены «частным порядком» в лучшей гостинице Ташкента — «Регине». По официальным данным, офицеры австро-венгерской армии, находясь в плену, получали содержание по следующей схеме: генералы и адмиралы — 1500 руб., штаб-офицеры — 900 руб., обер-офицеры — 600 руб в год. Офицеры германской армии, от капитана и выше, получали — 564 руб., ниже капитана — 338 руб. в год².

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государства в мировой истории (2012–2014 гг.)».

Для администрации Туркестанского края пребывание таких «высокопоставленных» военнопленных только добавляло беспокойства. В Штабе Туркестанского военного округа считали, что размещать генералов вражеских армий нужно было не в столице края, где было много военнопленных офицеров, а в каком-нибудь отдаленном и глухом населенном пункте, где не было бы ни одного военнопленного³.

И не ошиблись. С бароном фон Гауком в Ташкенте вышла действительно неприятная история. Он умер в самый разгар переговоров об его обмене, чем доставил немало хлопот не только краевой администрации, но и российскому МИД, и дипломатической канцелярии при Штабе Верховного главнокомандующего.

Гаук попал в плен 5 октября 1914 г. у г. Ловича (современная Польша, а тогда территория Царства Польского, входившего в состав Российской империи). Подъезжая к городу во главе колонны автомобилей, он неожиданно встретил казачий разъезд. На требование остановиться Гаук выстрелил и тяжело ранил казака, после чего шофер автомобиля, в котором ехал Гаук, был убит, а сам автомобиль врезался в столб и разбился.

Гаука ранило осколками в лицо. В документах указывается, что в плен его взял лично начальник Кавказской кавалерийской дивизии, но, к сожалению, в документах не называется его фамилия. Возможно, это был генерал-лейтенант Николай Робертович Шарпантье. Начальник дивизии не мог вспомнить, были ли при Гауке какие-то документы и удостоверение, но повязку Красного Креста он надел только после того, как был доставлен в Штаб. При личном допросе начальником дивизии Гаук заявил, что считает себя виновным в происшедшем случае и что никаких претензий не имеет и благодарен за хорошее обращение⁴.

17 ноября 1914 г. Гаук прибыл в Ташкент и был размещен «со всеми удобствами». Спустя десять дней после пленения фон Гаука 16/29 октября 1914 г. МИД России получил ноту посольства США, в которой от лица Германского правительства предлагалось обменять фон Гаука на равноценного ему по статусу русского военнопленного⁵.

1 декабря 1914 г. жена барона фон Гаука обратилась с письменным ходатайством к герцогу Мекленбург-Шверинскому о содействии к облегчению положения мужа в российском плену. Последнее письмо от мужа баронесса получила из-под Брест-Литовска. Барон был серьезно

болен, перенес операцию на желудке, были проблемы с кишечником⁶. Это письмо герцог передал великой княгине Марии Павловне (урожденной герцогине Мекленбург-Шверинской), которая и направила его в МИД Российской империи.

8 декабря 1914 г. товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов обратился с письменной просьбой ускорить решение вопроса об обмене фон Гаука к директору дипломатической канцелярии при Штабе Верховного главнокомандующего Н.А. Кудашеву⁷.

МИД посчитал прекрасной возможностью воспользоваться обращением герцога для ускорения решения вопроса об обмене российских консулов, находившихся в германском плену. Нератов предложил включить Гаука в немецкие списки и расширить таким образом российский список лиц, подлежащих обмену.

Далее в письме Нератова следовало самое важное. Включение в списки фон Гаука позволяло добиться обмена без включения в них находившихся в российском плену бывших германских консулов: в Ковно – барона Г.М. фон Лерхенфельда и в Эрзеруме – Эдгара Андерса. Нератов спрашивал Кудашева, не вызовет ли освобождение фон Гаука на условиях, выгодных МИД, возражения со стороны Штаба Верховного главнокомандующего.

МИД располагал информацией, что со стороны начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Янушкевича возражений не будет и разрешение покинуть Россию Гауком будет получено. Был еще один нюанс, который, по мнению нашего МИД, не давал возможности германской стороне отказаться от Гаука и настаивать на кандидатурах фон Лерхенфельде или Андерса. У МИД имелось заключение врача, тайного советника Таубе, от 14 ноября 1914 г. о состоянии здоровья фон Гаука. Гаук лечился у него от серьезного заболевания – расширения желудка. «Все его тело было в высшей степени ослаблено, сердце и вся система кровеносных сосудов больны. Конец несомненно ожидаем», – писал Таубе. Гаук уже перенес одну операцию на желудке. Спасением могла быть еще одна очень трудная операция. С учетом больного сердца, которому противопоказаны всякие волнения, Таубе рекомендовал строжайшее медицинское наблюдение за больным⁸.

15 декабря 1914 г. МИД получил телеграмму из Ставки от генерала Янушкевича о согласии Николая II на включение Гаука в списки во-

еннопленных, подлежащих обмену⁹. Список состоял из 29 военнопленных германской армии, которые подлежали обмену на аналогичное число русских. Согласно списку, шталмейстера Гаука хотели обменять на действительного статского советника шталмейстера Двора Его Императорского Величества Николая Николаевича Гартонга¹⁰. Но этот обмен не состоялся. Во всяком случае в изученных нами документах по делу Гаука тема обмена на Гортонга больше не встречается.

17 декабря 1914 г. немцы через испанское посольство в Берлине неожиданно предложили обменять Гаука на представителя Красного Креста Г. Маркозова¹¹. 5 февраля 1915 г. МИД обратился в Штаб Верховного главнокомандующего с предложением обменять Гаука на бывшего Варшавского губернатора барона С.Н. Корфа и и «его спутников»¹². 9 февраля 1915 г. Н.А. Кудашев ответил А.А. Нератову, что возражений нет.

Складывалась странная ситуация. Чтобы прояснить это недоразумение и выяснить наконец, на кого же Германия готова менять фон Гаука, МИД России направил 18 февраля 1915 г. в Русскую миссию в Стокгольме шифр-телеграмму следующего содержания: *«С делом Гаука происходит недоразумение. Императорское правительство никогда не имело в виду просить обмена Гаука на Маркозова или соглашаться на просьбу Германии о таком обмене, ибо Маркозов был задержан в нарушении постановлений Женевской конвенции, которой он сам не нарушал, тогда как Гаук, в момент его взятия в плен стрелял по задержавшему его кавалерийскому отряду и надел повязку Красного Креста лишь по доставлении в один из Штабов. Поэтому отказываясь входить в рассмотрение вопроса об обмене Гаука на Маркозова, министерство просит Вас добиться от Германии определенного ответа, согласно ли последнее на обмен Гаука на Корфа и его спутников или нет»*¹³.

25 марта 1915 г. МИД обратился с запросом к генерал-квартирмейстеру Генштаба М.Н. Леонтьеву о сопоставимости режимов содержания в плену Гаука и Корфа и применении к Гауку такой же меры заключения как к Корфу. По сведениям из Ташкента, Гаук там содержался в «свободном режиме» и проживал в лучшем номере самой дорогой городской гостиницы. Вместе с тем МИД располагал сведениями, что Корф в немецком плену содержался на строгом одиночном тюремном режиме, несмотря на то, что у Корфа в его 60 лет были серьезные про-

блемы со здоровьем. 11 февраля русский МИД фактически выставил правительству Германии ультиматум, что если к 26 марта/8 апреля 1915 г. Корф не будет переведен в режим, аналогичный с содержанием Гаука, последний будет так же содержаться в тюрьме в одиночной камере.

Германское правительство проигнорировало ультиматум. Поэтому МИД просил Генштаб с 26 марта перевести Гаука из гостиничных апартаментов в тюрьму¹⁴. Генштаб не возражал и срочно телеграфировал в Ташкент об изменении режима содержания барона фон Гаука¹⁵. 30 марта 1915 г. Гаука перевели в камеру одиночного заключения при Ташкентской дисциплинарной роте.

10/23 апреля 1915 г. МИД России получил ноту посольства США о готовности Германского правительства обменять барона фон Гаука на барона Корфа¹⁶. В ноте объяснялась и задержка принятия правительством Германии решения по обмену: посольство Испании передало ноту российского МИД германской стороне только 3 апреля. 6 апреля Германия дала добро на обмен, но испанское посольство получило сообщение об этом лишь 9 апреля, т.е. по истечении срока ультиматума. Германское правительство также изъявило готовность обменять консула Полиановского на консула Лерхенфельда.

Переговорный процесс прервался неожиданным образом. 2 мая 1915 г. в военном госпитале в Ташкенте барон фон Гаук скончался. Императорский МИД уведомил об этом посольство США. Причиной смерти, согласно официальному заключению врачей, был «острый катар желудка и кишек, при старческом маразме и общем атеросклерозе»¹⁷. Согласно донесению, полученному из Туркестана, фон Гаук уже прибыл в Ташкент с жалобами на проблемы с желудком, но состояние его здоровья за все время его пребывания в Ташкенте было удовлетворительным. В середине апреля фон Гаук простудился, а затем по собственной вине заработал расстройство желудка: поел ягод с простоквашей. В плену за здоровьем фон Гаука (по его желанию) наблюдали военнопленные врачи, и состояние здоровья после проведения интенсивной терапии начало улучшаться, но неожиданный упадок сил и резкое ухудшение его здоровья вынудил власти поместить Гаука на лечение в Ташкентский военный госпиталь. После совместного консилиума русских и иностранных врачей была составлена история

болезни. Был созван консилиум из 5 врачей: 2 русских, 2 австрийских и 1 немецкого, который констатировал критичность ситуации. У больного постоянно падала температура. 1 мая она была 35,9¹⁸.

Тело барона фон Гаука было забальзамировано и временно захоронено в Ташкенте, что давало возможность в дальнейшем перевезти его на родину.

В русском плену ближайшим другом фон Гауку стал генерал-майор австро-венгерской армии Вильгельм Рафт. Во время болезни он постоянно находился с фон Гауком, а после его кончины написал письмо супруге барона Гаука, Шарлотте, в котором подробно описал последние дни жизни ее мужа:

*«Ее Превосходительству
госпоже Шарлотте фон Гаук
<...>.*

В замену телеграммы, отправленной Вашему Превосходительству 4-го июня через г. Фридберга в Копенгаген, считаю своим печальным долгом в этом письме изложить последние минуты Вашего покойного мужа, моего дорогого друга и со товарища по плену.

21 апреля фон Гаук был переведен из дисциплинарной роты в крепость, и здесь ему была представлена более удобная, здоровая и меблированная квартира, которой он соответственно обстоятельствам был доволен. Благодаря моим хлопотам ему был предоставлен слуга, исправный австрийский военнопленный солдат, который как ученый повар готовил ему хороший стол, чем Его Превосходительство был очень доволен. Было разрешено австрийскому врачу, а позже прусскому врачу доктору Людвигу Диские, ассистенту ростокской университетской клиники, почти ежедневно посещать г. фон Гаука, далее что Ваш супруг без охраны посещал ежедневно близлежащий парк, прекрасный тенистый парк, и я с ним часто разговаривал. Его Превосходительству было разрешено ходить одному еженедельно в баню. Он был очень доволен этими новыми порядками, буквально ожил и высказал желание в ожидании прекращения одиночного заключения оставаться жить в этой спокойной, приятной и прохладной крепостной квартире, в которую я также должен был переехать, дабы как прежде жить совместно. Ваш супруг получил разрешение в Троицу без охраны посещать церковь, расположенную на расстоянии получаса ходьбы. Поздно вечером я узнал,

что фон Гаук не был в Евангелической церкви. Когда я его на другой день посетил, он лежал в постели и жаловался на желудок, резь в кишках и сильный понос. Врач уже был у него. Я узнал, что сильное расстройство желудка произошло от употребления клубники с кислым молоком: средства, прописанные опытным врачом, в течение 4 дней приносили пользу, но вследствие ослабленного организма, большой потери соков и при употреблении более питательной пищи продолжительный процесс болезни в жарком климате не было возможности побороть.

28 апреля отправлен в лазарет и здесь исследован несколькими врачами, далее лечение производилось двумя австрийскими и вышеуказанными прусскими врачами причем силы его ускоренно слабели, так что консилиум из 5 врачей, кроме вышеуказанных, еще два очень опытных русских врача констатировали безнадежность положения при потере сознания. Еще раз 1 мая при молитве приглашенного мною пастора во время исполнения святого обряда пробуждалось слабое сознание в труднобольном. Он сложил слабые и неподвижные до сих пор руки для молитвы, и казалось, душой сознавал ее, после чего подавая пастору и мне руку, произнес едва слышно: «Благодарю». 1 мая после обеда началась агония, продолжавшаяся до 7 часов 50 минут утра 2 мая, после чего бедняга без страданий спокойно почил на моих руках в присутствии врача и верного слуги.

Тело почившего было бальзамировано двумя пленными врачами, положено в металлический гроб с двумя крышками, таким образом, при поднятой первой крышке видно через стекло его лицо. Сохранение и погребение тела произведено таким образом, что представляется возможность транспортирования. Похороны сопровождали несколько сотен немецких военнопленных солдат, от 20 до 30 здесь живущих немецких семейств, евангелический паспорт Юргенсон, австрийский военнопленный фельдмаршальский лейтенант Карл Бойцендорф, австрийский врач Роман Клеске, я и наблюдающий за мной и вашим мужем императорский русский полковник Дмитрий Васильевич Белов, которому вследствие полученного приказа было поручено наблюдение за фон Гауком, что он при этой тяжелой обязанности с большим снисхождением и теплом участия выполнил, сумев при этой ответственной службе соединить строгие служебные обязанности с сердечным человеколюбивым обращением, так что покойный с благодарностью об этом отзывался.

Через этого господина было также в Дрезден отправлено оставшееся имущество. Оно состоит из платья, белья, часов и колец, чему составлен список, также относительно наличных денег, будет сделан расчет, наконец, будет послана составленная врачом история болезни и удостоверение о смерти. В Боге почивший был в жизни святого религиозного убеждения и направления, что давало возможность его благородной душе в самые тяжелые часы жизни и при всех земных страданиях возвыситься и жить в уверенности и надежде на Бога. Эта его душа перед вечным судьей да укрепит, доставит утешение и спокойствие тяжело-му испытанию и им так искренне любимому семейству. “Да сохранит Вас Господь Бог” — это была постоянная молитва вашего супруга и это так же искреннее желание его дорогого друга.

Вильгельм Рафт, австрийский генерал-майор в плену»¹⁹.

Примечания

1. Шталмейстер (обершталмейстер) — главный конюший.
2. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4535. Л. 28–29об.
3. Там же. Л. 86–86об.
4. АВПРИ. Ф. Отдел военнопленных. Оп. 708. Д. 6327. Л. 20–20об.
5. Там же. Л. 1.
6. Там же. Л. 11.
7. Там же. Л. 10.
8. Там же. Л. 12.
9. Там же. Л. 15.
10. Там же. Л. 17–17об.
11. Там же. Л. 18.
12. Там же. Л. 26.
13. Там же. Л. 33.
14. Там же. Л. 36–36об.
15. Там же. Л. 37.
16. Там же. Л. 44.
17. Там же. Л. 62.
18. Там же. Л. 66–67об.
19. Там же. Л. 82–86.